

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-94-7-19

Конструктивистские аспекты национального мифотворчества на постсоветском пространстве

Буданов Максим Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: budanov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6885-1524](https://elibrary.ru/6885-1524)

Аннотация

Реальная полиэтничность бывших советских республик остается неизменным фактом, и местные титульные элиты воспринимают ее как проблему, нежели как конкурентное преимущество в международных отношениях. Поэтому чаще всего выбирается путь ассимиляции нетитульных народов. На примере некоторых государств ближнего зарубежья можно убедиться в бесперспективности этнофаворитизма как идеологической основы нацистроительства, когда конструктивистские методы используются вкупе с примордиалистской риторикой. Отличие конструктивизма от большинства прочих подходов к нацистроительству состоит в представлении о частичной рукотворности современного национального сообщества. Но представление нации о самой себе не перестает быть от этого исключительно важным условием национального единства. В условиях очевидного нарастания общемирового кризиса цивилизации бесконечного прогресса и западной версии глобализации значение коллективной мифологии внутри каждого национального сообщества будет неизбежно возрастать. Смысловые пустоты объяснительной модели российской гражданской нации оставляют простор для любых манипуляций с элементами коллективной мифологии россиян. Поэтому современное состояние коллективной мифологии в Российской Федерации требует напряженной централизованной работы по выстраиванию защиты общенациональных представлений о нашем прошлом от бесконечных внешних попыток ревизии и манипуляции, по выработке системного подхода к табуированию всех блоков исторической памяти россиян и его последовательной реализации. Существование и тиражирование на постсоветском пространстве версий коллективной мифологии, альтернативных отечественной, представляет собой опасный вызов для безопасности России. Полиэтничность российского общества, этнокультурное многообразие нашей страны должны иметь единственную редакцию объяснения, транслируемую всеми институтами социализации и на федеральном, и на региональном уровнях.

Ключевые слова

Гражданская нация, национальная идентичность, перекрывающая идентичность, коллективная мифология, двойная лояльность.

Constructivist Aspects of National Myth-Making in the Post-Soviet Space

Maxim A. Budanov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: budanov@spa.msu.ru

Abstract

The real multi-ethnicity of the former Soviet republics remains an invariable fact, and local titular elites perceive it as a problem, rather than as a competitive advantage in international relations. Therefore, the path of assimilation of non-titular peoples is most often chosen. On the example of some former Soviet republics, one can be convinced of the futility of ethnofavoritism as the ideological basis of nation-building, when constructivist methods are used in conjunction with primordialist rhetoric. The difference between constructivism and most other approaches to nation-building lies in the idea of the partial man-made nature of the modern national community. But the idea of the nation about itself does not cease to be an exceptionally important condition for national unity. In the context of the obvious growth of the global crisis of the civilization of endless progress and the Western version of globalization, the significance of collective mythology within each national community will inevitably increase. The semantic emptiness of the explanatory model of the Russian civil nation leaves room for any manipulations with the elements of the collective mythology of Russians. Therefore, the current state of collective mythology in the Russian Federation requires intense centralized work to build the protection of national ideas about our past from endless external attempts to revise and manipulate, develop a systematic approach to taboos of all blocks of the historical memory of Russians and its consistent implementation. The existence and replication in the post-Soviet space of versions of collective mythology, alternative to the domestic one, is a dangerous challenge to Russia's security. The multi-ethnic nature of Russian society, the ethno-cultural diversity of our country should have a single edition of the explanation, broadcast by all institutions of socialization both at the federal and regional levels.

Keywords

Civic nation, national identity, overlapping identity, collective mythology, dual loyalty.

Введение

Национальная идентичность и этническая идентичность располагаются предельно близко друг от друга в структуре самосознания индивида, поэтому обыватель их легко путает. Кроме того, эти разновидности идентичности отвечают за одни и те же реакции коллективного сознания. И этнос, и нация схожи тем, что являются межпоколенными сообществами. Этнос — цивилизационная единица, участвующая прежде всего в культурном воспроизводстве и социализации индивидов (можно сказать, расширенная семья, но лучше назвать его средой возникновения и бытования семей); в этой особенности этноса как раз и проявляется его межпоколенность. Нация же — коллектив граждан, представляющих (мыслящих) себя как групповой субъект политического процесса. Межпоколенность нации выражается, с одной стороны, в коллективной памяти, памяти о заслугах и победах предков, обязательно мифологизированной и, как правило, табуированной, то есть защищенной (законодательством или угрозой общественного порицания) от критики, от попыток анализа и переосмысления. С другой стороны, представление нации о самой себе должно иметь перспективную проекцию, и эта вторая характеристика имеет даже большее значение для самоопределения нации, чем ретроспективные представления.

Не будет открытием утверждение, что в жизни и успешном развитии любой современной гражданской нации огромное значение имеет коллективная мифология. Эта мифология оказывается важным подспорьем в деле укрепления общенациональной идентичности, создает идеальную почву для смягчения противоречий, неизбежных при любом режиме общежития, так как нация — это не столько взаимовыгодное в материальном смысле сообщество, сколько братство по духу людей, стремящихся заботиться друг о друге. Другими словами, разговор о нации — это скорее разговор об идеалах, а не о материальном. О подобном предназначении нации свидетельствует многократно повторяющийся опыт нациестроительства новой и новейшей истории. Ведь важнейшим результатом модернизации (то есть перехода от традиционного уклада к индустриальному) во многих регионах мира, в том числе и далеко за пределами Западной Европы и Северной Америки, стало появление общества светского и эгалитарного типа. Государство-нация — точно такое же законнорожденное дитя модернизации, как и секулярная культура, система светского образования, мировая экономика с макрорегиональным разделением труда. С отмиранием прежних норм обезличенной солидаризации — семейно-клановых, сословных, религиозных и проч. — повсеместно возникает проблема обоснования нового внецерковного и конкурентно-гражданского общежития. В самом деле, большое историческое межпоколенное сообщество людей может успешно существовать только при наличии в нем членов, готовых жертвовать собой ради общего блага. Такая проблема не может возникнуть в рамках родового коллектива, племенного объединения, поскольку они воспринимаются членами как продолжение личности индивида, сородич или соплеменник видит себя частью целого, никак не отделяет от него свое «Я» и не противопоставляет личные интересы коллективному. Но, если все мы граждане большого государства, равноправные и поставленные в условия соперничества во всех сферах жизни, зачем кому-то из нас добровольно рисковать жизнью или здоровьем, переносить страдания и усугублять трудности своей нуклеарной семьи? В конечном итоге данная моральная проблема в хронологических рамках эпохи буржуазных революций была разрешена навязыванием концепции гражданской нации, понимавшейся тоже отчасти как расширенная семья, братство сограждан во имя коллективного благоденствия. Такое братство априори поставлено в положение международной конкуренции с другими аналогичными сообществами, и его выживание возможно только при условии коллективных усилий и готовности к испытаниям.

В определенной степени официальный гражданский национализм в современных государствах играет роль, схожую с господствующей религией в традиционных обществах: легитимация власти, сплочение населения вокруг какой-то миссии, объяснение обособленности от прочих сообществ (наций, государств) и т.д.

Однако для качественного морального сплочения людей не всегда было достаточно одной идеальной картины будущего. Особенно это касалось стран с вариантом модернизации догоняющего типа или вынужденных в силу исторических условий вступать в режим международной конкуренции с изначально невыгодных позиций. Здесь подразумевается прежде всего опыт Германии и Италии, завершивших процесс объединения только во второй половине XIX века. Хотя данное обобщение годится и для любой неевропейской страны, осуществившей модернизацию по западному образцу. Этим сообществам требовалось еще и ретроспективное представление своего единства, то, что можно назвать коллективным мифом своего общего происхождения. Недаром именно Италия, Германия, Япония, а также, например, государства Центральной и Восточной Европы после Первой мировой войны продемонстрировали «химически чистые» примордиалистские версии национальной мифологии. При внимательном изучении уже довольно обширного к нашему времени опыта нациестроительства по всему миру мы видим, что примордиалистский подход за пределами так называемой атлантической цивилизации оказался наиболее востребованным для формулировки базовых постулатов идеи национального единства, которая транслируется в массы. Но главная особенность рассматриваемой проблемы состоит в том, что при использовании примордиалистской риторики в общении с массами логика политической стратегии лидеров наций всегда конструктивистская. После обретения независимости в 1991 г. все бывшие советские республики были поставлены перед необходимостью поиска объяснительной модели общежития собственного населения, которое оставалось все еще, во-первых, во многом советским по менталитету и мировоззрению, во-вторых, неоднородным этнически. Результаты трех десятилетий национальных отношений в условиях политической независимости республик дают основания говорить о задействовании в большинстве из них в том числе и конструктивистского инструментария.

Пережитки советского национально-государственного строительства в преломлении постсоветских этнократий

Отличие конструктивизма от большинства прочих подходов к нациестроительству, прежде всего от примордиализма, состоит именно в представлении о частичной рукотворности современного национального сообщества. И ведущее место при «сборке» нации сторонники конструктивизма всегда отводят тем ценностям, которые преднамеренно закладываются отцами-основателями в умы и сердца целевой аудитории. Неслучайно авторы, описывающие примеры нациестроительства капиталистической эпохи, так любят цитировать высказывание одного из творцов итальянской независимости Массимо де Адзельо: «Мы создали Италию. Теперь мы должны создать итальянцев». Ибо мир этносов неизмеримо богаче и пестрее политической карты любого периода мировой истории, и любое государство так или иначе вынуждено идеологически оправдывать факт своего существования в актуальных пределах перед воображаемым коллективным лицом подданных. Вынуждено оправдывать потому, что фортуна (или рок) истории всегда содержит в своем движении элемент случайности, а прогноз направления дальнейшего исторического процесса всегда вариативен.

Сложность (объемность) конструктивистской философии нации состоит в трудноуловимом пересечении искусственного и органичного в бытовании национальной коллективной мифологии, да и в жизни нации вообще. Те же итальянцы, даже несмотря на непрекращающуюся проблему северного и южного сепаратизмов, теперь объективно существуют и воспринимаются всеми вокруг как нация итальянцев. Американский «плавильный котел» вполне успешно «переварил» массы всевозможных европейских иммигрантов к началу прошлого столетия в стопроцентных американцев. Можно вспомнить и более свежие примеры. Иврит к середине XX века считался мертвым языком, однако создатели государства Израиль не побоялись именно иврит сделать базовым скрепляющим элементом создаваемой нации израильтян. Кроме того, сама нация преподносилась и евреям, и всему миру именно как воссоздаваемая, что выглядело логично, хотя далеко не бесспорно с точки зрения набора задействованных этнических субстратов. Тем не менее сегодня реальность существования и культурного воспроизводства нации израильтян ни у кого сомнений не вызывает. Таким образом, можно согласиться с утверждением, что все перечисленные проекты успешно реализовались благодаря привлекательным идеям, грамотно сформулированным коллективным мифам, заложенным в их основание. Но все-таки самым интересным для нас результатом приведенных примеров нациестроительства стало то, что идеи обрели плоть в виде объективно живущих и развивающихся наций.

Распад СССР в свете рассматриваемой проблематики интересен и относительной исторической запоздалостью рождения национальных мифов в бывших советских республиках, и отношением этих мифов к исторической судьбе Российской Федерации, ее роли в современном мире. Строго говоря, постсоветское пространство демонстрирует по меньшей мере тринадцать примеров этнократического эксперимента: практически все постсоветские независимые государства, за исключением России и отчасти Белоруссии, пошли по этнократическому пути нациестроительства, когда ядром нации обязательно выступает титульное этническое большинство, а господствующая трактовка истории, преимущественный состав политической элиты, языковой режим официального документооборота, система образования и другие институты выстроены в жестких рамках легализованного этнофаворитизма.

Причем начало этим процессам было положено задолго до декабря 1991 г. — уже в 1988 году под перестроечными лозунгами в союзных республиках синхронно создаются массовые этнонационалистические организации — так называемые народные фронты: Народный фронт Эстонии в поддержку перестройки, Литовское движение за перестройку (Саюдис), Демократическое движение Молдовы, Белорусский народный фронт «Возрождение» и т.д. Повсеместно происходит смыкание местных республиканских кланов с представителями националистических ответвлений бывшего диссидентского движения, а как следствие — разоблачение коммунистической идеологии вкупе с агитацией за национальное возрождение на уровне официальной политики республиканских столиц, где очевидно уже проглядывали проблески откровенного шовинизма. Подобные сдвиги в общественно-политической жизни СССР не могли не спровоцировать межэтнические конфликты, а затем привести и к их эскалации. Многим участникам обозначенных политических процессов этнократический уклон новых независимых государств в 1990-е гг. казался безальтернативным. Что же еще могло сплотить общество в условиях такой болезненной трансформации, как переход к рынку и отказ от социалистических норм общежития? Религия? Но социум повсюду типично позднесоветский и насквозь материалистический [Тишков 2001, 337]. Даже в среднеазиатских республиках социологические исследования показывали очевидный наносной характер религиозности [Халид 2010, 161]. Возврат к сословной модели общественной организации? Но было абсолютно ясно, что советская эгалитарность

необратимо укоренилась в миропонимании людей. А хорошо сохранившиеся фамилистические практики у народов, например, Закавказья и Средней Азии в масштабах государственного строительства были совершенно бесполезны. Таким образом, из всего, что было знакомо бывшим первым секретарям республиканских ЦК, оставался только этнонационализм, который необходимо было реабилитировать, просто отбросив эпитет «буржуазный».

Отметим еще один аспект мифотворчества бывших национальных окраин. Легко получившие власть и суверенитет республиканские элиты, пытаясь сплотить свое население в искусственных границах своих новых независимых государств, пошли по наиболее легкому пути. Они понимали, что самый быстрый способ примирить общество с лишениями в условиях резкой социально-экономической трансформации — перенаправить недовольство масс, отыскать общенационального врага. Отсюда воскрешение застарелого мифа начала XX в. о колонизации Россией национальных территорий, мифа о русских угнетателях. Обратим внимание на повсеместность данной антирусской мифологии на всем постсоветском пространстве, включая даже Белоруссию и, что особенно прискорбно, некоторые регионы РФ, где определенным политическим и интеллектуальным кругам также было выгодно представить себя историческими жертвами воображаемого угнетения. На руку этому злонамеренному искажению исторической действительности сыграл и катастрофический пробел в советском гуманитарном образовании, когда напрочь игнорировался факт отсутствия колоний у Российской империи. В результате смешения понятий в массовом сознании как россиян, так и обитателей ближнего зарубежья происходила путаница, при которой любая империя, в том числе и Российская, обязана быть колониальной. А значит, в ней должно быть угнетение колониального населения. Даже если вынести за скобки экономический и социокультурный аспект взаимодействия российской цивилизации с народами, оказывавшимися в тот или иной период в поле ее влияния, если уйти от непрекращающейся дискуссии о соотношении вложенного и полученного Россией от национальных окраин, то все равно придется признать: нет ни единого основания рассуждать о существовании российских колоний. В действительности территориальная экспансия Российской империи никогда не имела колониального характера: вновь приобретаемые территории, будь то Кавказ или Туркестан, обязательно полностью интегрировались в общероссийское правовое и политическое пространство. Как правило, лишь отводилось время для переходного периода, в который могли сосуществовать местные обычаи наряду с общероссийским законодательством при условии запрета рабства и несанкционированных расправ. Если же интеграция не предусматривалась, как это было с Великим княжеством Финляндским и Царством Польским (до 1831 г.), то речь шла об автономии, широта которой вообще не находит аналогов на политической карте мира того времени. В отличие от настоящих колониальных империй — Британской, Испанской и др. — в России не проводилось различий между статусом населения новоприобретенных земель и исторического центра, то есть, по существу, не было метрополии и колоний. Некоторое исключение составлял только режим управления Аляской в 1799–1867 гг., но данный факт находится вне нашей тематики. Однако весь этот набор заурядных фактов, как было сказано выше, оказался достоянием узкого круга знатоков, а массовая пропаганда бывших советских республик навязывала абсолютно ложный стереотип.

В то же время указанные примеры национальной политики новых независимых государств — закономерное и логичное продолжение советской политики нациестроительства. Новые (или хорошо забытые старые) лидеры постсоветских республик в области национальной политики в начале 1990-х гг. говорили и делали ровным счетом то же самое, чему их учили в советских вузах. Они отталкивались от понимания своих республик как политической формы

этнических наций. Результаты советской политики коренизации оказались сказочным подарком для постсоветских этнократических элит, если только не считать сами эти элиты порождением советской коренизации. Фактически при СССР были искусственно созданы и возвращены новые центры национальных государственных, и вдобавок советские республиканские «нацистроители» следовали (скорее всего, неосознанно) рецептам того же М. де Адзельо и других отцов-основателей наций нового времени. Ведь большевики не опасались экспериментов в национально-государственном строительстве, поскольку уповали на неизбежность всеобщего слияния в коммунистическом раю и конечное стирание этничности. История распорядилась так, что коммунистического итога не случилось, а из национальных ячеек советской федерации в результате «вылупились» и окрепли непредусмотренные изначально проектом сформировавшиеся национальные организмы Украины, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана и пр. Причем авторами советского национально-государственного строительства в свое время ставились на одну доску как уже наличествовавшие микронации (грузины, литовцы), так и искусственно сконструированные (узбеки, латыши и др.). При советском размахе нацистроительства подобная унификация была и неизбежна, и необходима. Кстати, в этом отношении очень показательны замысел и несчастливая судьба Карело-Финской ССР. Так же бестрепетно решались вопросы определения территорий и границ создававшихся союзных республик-наций.

Сдругой стороны, примордиализм новых «хозяев» бывших советских республик был стихией и не продуман, что доказывается повсеместным отсутствием внятной картины будущего. Массам внушалось отвращение ко всему советскому и, как правило, ко всему российскому, единственной платформой для сплочения социума внутри каждой республики была примитивная мифология о славном героическом прошлом, утраченном по вине «плохой России». А будущее было представлено предельно размыто, хотя и не без региональной специфики: для Молдавии — движение в состав Румынии, для прибалтийских стран — курс на включение в общеевропейскую интеграцию, Азербайджан мог похвастаться воображаемой причастностью к успешному турецкому пути модернизации и т.п. Но для начала, на стадии легитимации и укрепления своей власти новым республиканским элитам и этого было вполне достаточно. Во всех республиках руководители не старались далеко заглядывать в будущее и были поглощены текущими задачами. Именно этой особенностью объясняется относительная политическая устойчивость большинства режимов в 1990-е гг.

Можно констатировать, что постсоветские этнократические элиты приняли в готовом виде постколониальную философию нацистроительства стран третьего мира («все хорошее — исконно наше, все плохое — от колонизаторов»). Универсальную модель десоветизации национальных отношений можно представить в виде следующей упрощенной схемы:

- достижения национальной политики в СССР (родной язык в официальном использовании, литература, система образования на родном языке и пр.) объявляются естественным состоянием национальной культуры, данностью вне причинно-следственной связи с политикой коренизации. Допустим, утверждается миф об изначально высоком уровне развития национальной литературы. Особенно хорошо это можно проследить на примере среднеазиатских республик, на территории которых вообще трудно было бы представить бытование светской литературы на национальных языках, не будь в их судьбе советской социалистической модернизации. Более того, официальными властями старательно и целенаправленно заново

мифологизируется история письменности, заявляется о широком (!) распространении даже не арабской письменности, а собственных автохтонных систем письма до прихода Российской империи в регион (как это происходит ныне в Казахстане, судя, в частности, по программной статье Н. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания»¹). Во всех без исключения республиках с преимущественно тюркоязычным населением не прекращаются попытки на официальном уровне присвоения задним числом, к примеру, орхон-енисейской письменности древних тюрков. Население должно постепенно уверовать в официальную версию истории письменности и литературы, очевидные результаты советской политики по развитию национальных литератур выносятся за скобки. Ставка делается на этнофаворитическую нагруженность дисциплин гуманитарного цикла в общеобразовательной школе, вдобавок существует надежда на пропаганду современных успехов возрожденной (или заново созданной) национальной государственности;

- все отрицательные стороны действительности (бедность, разруха, изношенность инфраструктуры и пр.) объясняются советским наследием, итогами «оккупации». Косвенно подобный посыл на месте современных постсоветских мифотворцев можно было бы усилить, сопоставив это с уровнем жизни, степенью вовлеченности в систему мирового разделения труда экономик стран, отделившихся от России сразу после революции — Финляндии и Польши;
- современная Россия объявляется в значительной степени продолжением СССР, в разных вариациях ее образ играет роль постоянного «пугала» во внутреннем инфопространстве постсоветских государств;
- в европейской части бывшего СССР республиканские этнократические элиты вполне устраивает роль «заднего двора» Европы (по выражению Ф.М. Достоевского), хотя данная специализация по факту уже присвоена бывшими членами социалистического лагеря (участниками Организации Варшавского договора);
- азиатские республики находят себе нового «старшего брата» среди исторических неудачников-соседей, близких по крови или вере (например, отчасти именно так работает на постсоветском пространстве небезызвестная концепция неоосманизма) [Надеин-Раевский 2022, 100–101].

Разумеется, эти черты не освобождали местных политических лидеров от необходимости ритуального использования либерально-демократического понятийного аппарата: официальные источники, конституции, речи государственных мужей пестрят дежурными упоминаниями о приоритете прав человека, свободе личности, правовом государстве и в том числе о межнациональном согласии. Тем не менее реальная полиэтничность бывших советских республик остается неизменным фактом, и местные титульные элиты от Дуная и Балтики до Амударьи воспринимают ее скорее как проблему, нежели как конкурентное преимущество в международных отношениях. Поэтому чаще всего выбирается путь «переваривания», ассимиляции нетитульных народов. И первыми претендентами в списке на ассимиляцию (или выдавливание) среди меньшинств обязательно оказываются русские, поскольку русское населения является живым опровержением

¹ Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 12.08.2022).

этнократической мифологии. По существу, все тринадцать примеров постсоветских этнократий оказались в разной степени неудачными из-за наложения стихийной примордиалистской официальной риторики на реалии республиканских неоконченных национальных конструкторов.

Антироссийские вызовы постсоветской этнократической мифологии и возможные пути их купирования.

Яркий и кровавый пример бесперспективности этнократического пути нациестроительства представляет собой украинская государственность, идеологической базой которой была выбрана в свое время концепция этнокультурной и языковой унификации с опорой на регион Галичины — пресловутого «украинского Пьемонта» (в действительности такое сравнение австро-венгерской провинции с обладавшим реальным суверенитетом Сардинским королевством крайне неудачное). Можно утверждать, что именно благодаря обращению украинской политической элиты в своей национальной политике к этнофаворитизму образца времен версальско-вашингтонских соглашений там не было выработано никакой реальной идеологической платформы, кроме инвективы «Украина — не Россия». Осложняющим нюансом русофобской направленности украинского мифотворчества (хотя на самом деле далеко не только украинского) была долгая и тщательная проработка украинского национализма за океаном в годы холодной войны, благодаря чему украинские диаспоры США и Канады смогли произвести не одно поколение идеологов украинства именно в антироссийской версии. И уже с 1992 г. результаты их интеллектуальной деятельности вкупе с наследием оголтелых шовинистов и сепаратистов начала XX в. вроде М. Грушевского и Д. Донцова легли в основу ущербной версии нациестроительства в границах бывшей УССР.

Правящие круги Российской Федерации своевременно не распознали опасность тиражирования официального постсоветского украинского мифотворчества. Подразумевается опасность как для русского меньшинства, которому предлагалось в конечном итоге ассимилироваться либо добровольно, либо насильственно, так и для российского национального проекта, поскольку аппетиты украинских мифотворцев выходили далеко за пределы Украинской ССР. В этом отношении очень показательна безучастность российской политической элиты к территориальным претензиям Украины в отношении России, заложенным, например, в официальный текст украинского гимна до 2003 года [Буданов 2022, 23–24]. Российские власти с самого начала полностью самоустранились от контроля и наблюдения за процессом украинского мифотворчества, поскольку сочли это местной забавой и безобидной блажью «младшего брата». Особенно прискорбно это сознавать, понимая, что проблема не специфически украинская. Ровно те же тезисы, вплоть до территориальных претензий к РФ, видим по всему периметру границ с бывшими советскими республиками.

Если новыми политическими элитами в большинстве постсоветских государств двигал этнофаворитизм, то в случае Российской Федерации основной идеологической платформой долгое время выступала западническая версия глобализации. Можно сказать, что имевшие место в ближнем зарубежье шовинистические устремления на уровне официальной политики казались российской элите специфичными играми ума и лишним способом отвлечь массы от насущных проблем. Поэтому даже установление жесткой национальной сегрегации в Латвии и Эстонии или откровенные гонения на политических представителей русского меньшинства в Казахстане в 1990-е гг. не вызвали никакого противодействия или пусть даже формального, но внятного осуждения в российском политикуме.

Дополнительно к указанному Россия получила проблему альтернативных трактовок своей истории внутри собственного общества. Дело в том, что мифотворчество бывших «национальных окраин» в новейшее время зачастую имеет русскоязычную проекцию: с распространением сети Интернет, увеличением его пользователей на рубеже 1990-х–2000-х гг. происходило расширение аудитории трансляции новой мифологии постсоветских республик за счет части российского общества. Как результат этого усилилась проблема двойной лояльности среди самой российской гражданской нации, то есть часть наших соотечественников, в силу географии или этнического происхождения, оказалась под «обаянием» антироссийских версий истории (восточная часть Речи Посполитой — «утраченная» Западная Русь с третьим сословием и магдебургским правом, непрекращающиеся разговоры об «истинной» принадлежности Калининградской области и многое другое) Учитывая последствия разгрома гуманитарного образования, многолетнюю бесконтрольность книжного рынка, можно представить себе степень ущерба для конструктивной российской коллективной мифологии и укорененность всевозможных «альтернативных» версий нашей истории.

Поэтому не приходится удивляться тому, что в России обнаруживается немалое число индивидов, активно опровергающих справедливость возвращения Крыма и Севастополя в состав нашей страны. С точки зрения конструктивистского подхода к нациестроительству можно сказать, что эти люди поверили в образ политической карты бывшей УССР точно так же, как в него верит аудитория внутри самой Украины. Следует признать, что это не случайность, не досадный эффект массового исторического невежества, а результат планомерной идеологической работы против нашего общества, нацеленной на его раскол. Схожая методика используется и при внедрении в массовое сознание россиян каких-либо сепаратистских проектов или проектов «альтернативного» развития России [Кара-Мурза 2003, 511]. Таким образом, здесь мы наглядно убеждаемся в том, что различные версии антироссийской мифологии подчас имеют свойство воплощаться в том числе и в квазичивилизационных проектах. Опасность подобных проектов не столько в том, что при их реализации могут возникнуть какие-то политические образования, враждебные России, сколько в деструктивной направленности по отношению к нашему, российскому проекту нациестроительства, его образу в коллективных представлениях россиян.

Экспертное сообщество и политические круги современной России могут и должны двигаться по пути опровержения антироссийской мифологии. Необходимо популяризировать сведения об истинном характере территориальной экспансии Российской империи в XVIII–XIX вв. Опираясь на научные исследования национальных отношений советской эпохи, создавать правдивую картину вклада РСФСР в развитие остальных республик Советского Союза, благо, что в настоящее время имеется и авторитетный взгляд со стороны — растиражирован труд Т. Мартина «Империя “положительной деятельности”: Советский Союз как высшая форма империализма», где наглядно представлен масштаб позитивной дискриминации национальностей и, в частности, поистине альтруистических усилий РСФСР по вытягиванию остальных «республик-сестер» на должный уровень экономики, здравоохранения, системы образования и пр. [Мартин 2011]. Не нужно стесняться прямых указаний на то, что постсоветский отрезок истории убедительно продемонстрировал истинную цену позднеперестроечных лозунгов о богатстве и самодостаточности экономик «младших» республик, и при любом идеологическом исполнении настоящая независимость для них оказывается неподъемно дорогой. Однако подобный процесс переубеждения масс неизбежно окажется трудоемким и растянутым по времени. Особенно учитывая тот факт, что здесь мы имеем дело не с рациональным знанием, а с предметом веры.

Взгляд на ответственное ведение национальной политики по защите коллективной мифологии

Другая грань конструктивистской методологии проявляется в проектах формационного обновления (реформирования) национальных сообществ, когда, в силу необходимости резкой смены курса развития или жизненного ослабления этнокультурного ядра имеющейся нации, ее политической элитой либо внешними субъектами предпринимается попытка основательного изменения структуры национального коллектива. К примеру, социологи и антропологи утверждают, что в условиях очевидного нарастания общемирового кризиса цивилизации бесконечного прогресса и западной версии глобализации значение коллективной мифологии внутри каждого отдельного культурно-исторического типа (иначе — локальной цивилизации) будет неизбежно возрастать [Воробьев 2017, 6; Ламажаа 2011, 39–40]. В уменьшенном масштабе аналогичный процесс был хорошо заметен в период адаптации обществ некоторых бывших республик к последствиям распада СССР. Отсюда и преобладание примордиалистской риторики политических элит этих республик, как это было показано выше. На переломе эпохи, когда привычный мир трещит по швам, общество ищет психологическое убежище в знакомых (чаще всего традиционных) формах солидаризации, поэтому где-то возрождаются фамилистические начала, где-то вспоминаются и укрепляются религиозные практики; в широком смысле можно сказать, что задействуются межпоколенческие линии взаимодействия. Вся эта ожившая архаика является косвенным показателем стихийности, естественности коллективной реакции на катаклизмы цивилизационного масштаба. А вот при реализации каких-либо методик искусственных (управляемых) общественных трансформаций управляющий субъект обязательно делает упор не на усиление межпоколенческих связей, а на их насильственную деформацию или полный разрыв. Здесь можно вспомнить большевистский революционный опыт воспитания молодежи, цзаофаней и хунвейбинов Культурной революции, препарирование американцами социума милитаристской Японии после 1945 г. путем воздействия на японскую систему образования и корпоративное управление, а также многие другие примеры из новейшей истории. В нынешнюю пору эта характерная черта особенно отчетливо заметна на примере методик организации «цветных революций» [Наумов, Демин 2022, 16]. Важный вопрос — почему время от времени происходят успешные попытки внешних, в том числе злонамеренных, манипуляций с, казалось бы, вполне самодостаточными с точки зрения коллективной мифологии сообществами?

Вероятно, ответ кроется в диспропорции строения этой самой коллективной мифологии, когда упор в трансляции общенациональных смыслов сделан на условном героическом прошлом, а неизбежное беспокойство общества по поводу «нашего завтра» должным образом не проработано. И здесь мы сталкиваемся с огромной по степени неосмысленности проблемой. Если пристально посмотреть на биографию доминирующей в современном мире атлантической цивилизации, то можно легко убедиться в наличии очень мощного идеологического фундамента, над созданием которого целенаправленно работали сильнейшие авторитетные умы эпохи Просвещения. С момента возникновения проекта демонтажа христианских монархий Европы философы не столько были увлечены объяснением прошлого, хотя и в этом направлении было сделано немало (теория общественного договора, картина людей-атомов доисторического времени и пр.), сколько сосредоточились на тщательном проектировании будущего социума. Любая сфера человеческой деятельности получила исчерпывающий по своей точности «чертеж». Эта просвещенческая концепция бесконечного прогресса привела к появлению социально-философского дискурса со стержневой идеей неисчерпаемости потенциала человека и

общества. Это своего рода вершина антропоцентристского взгляда на мир — необходимо стремиться к максимально удобным условиям общественного развития и существования индивида; любой, даже самый дерзновенный замысел человека будет рано или поздно воплощен. К результатам данного мировоззренческого поворота в той или иной степени относятся все достижения западной цивилизации со второй половины XVII в.: главные буржуазные революции, промышленный переворот, капиталистическая модель социально-экономических отношений, либерализм, строй представительской демократии и т.д.

В это же самое историческое время продолжал (и во многом продолжает до сего дня) существовать и другой объяснительный дискурс общественного развития — традиционный, иначе говоря, дискурс «золотого века». Те центры национального развития, которые возникли в Новое и Новейшее время вне философии торжествующего антропоцентризма и вне атлантического ареала, но под его неизбежным культурным и политическим влиянием, были обречены только реагировать на уже созданные на Западе новые прогрессистские ориентиры движения истории. В этом отношении особенно трагично выглядит историческое положение России, которая, в силу географии и исторической судьбы, оказалась вовлечена в долгий роковой круговорот «принятия — отторжения» Европы раньше всех остальных незападных макрорегионов. Еще не имея возможности представить себе истинное мировоззренческое ядро западного пути развития, Россия была вынуждена сосуществовать и взаимодействовать с Европой. Европоцентризм российской историософии осмысливался и преодолевался с переменным успехом на протяжении трех или четырех поколений отечественных мыслителей XIX–начала XX в. [Агапов 2020, 533–542]. Отсюда и мучительная историческая рефлексия П.Я. Чаадаева, и наивность основных пунктов полемики западников и славянофилов, и фатальность пресловутого российского освободительного движения. А главный секрет данной исторической ловушки заключался в том, что если для любого незападного социума глубокая трансформация есть рукотворный убийственный катаклизм, то для сообществ-резидентов атлантического мира это еще один этап животворного прогресса (подразумевается господствующее понимание и оценка в обществе). Другими словами, истинная причина бесплодности попыток внеатлантических центров опередить западный прогресс, пытаться доминировать состоит в том, что все эти незападные центры обречены играть по правилам, сформулированным в дискурсе бесконечного прогресса, а их собственное внутреннее содержание выработано в дискурсе истории, понимаемой как путь непрекращающегося возвращения к «золотому веку». Поэтому в рамках всех национальных проектов регионов со значительными рудиментами традиционности задача формирования картины будущего неосознанно воспринимается тамошними элитами как нечто второстепенное, ненужное. Единственным (!) исключением стал советский проект — всечеловеческий и внешне такой же прогрессистский, как и атлантический. Но по итогу он остался незавершенным, а затем невиданным историческим каламбуром обратился в коллективной мифологии россиян еще одной версией «золотого века». В контексте рассуждения о конструктивистском подходе здесь можно заключить, что субъекты нациестроительства западного образца нагружают инструментарий конструктивизма, транслируя в массы ожидание новых конкретизированных форм, а в рамках незападных национальных проектов конструктивизм, как правило, используется для создания новых версий улучшенного прошлого.

Для России выходом из порочного круга бесконечных циклов догоняющей модернизации могла бы послужить формулировка принципиально нового дискурса общественного развития. Тем более что дискурс прогресса в сегодняшнем мире заведен в очевидный смысловой и ресурсный тупик. Пока же мы видели лишь варианты гибридизации прогресса с «золотым веком»

во всевозможных региональных обрамлениях. Именно смысловые пустоты объяснительной модели российской гражданской нации оставляют простор для любых манипуляций с элементами коллективной мифологии россиян. Перефразируя знаменитое высказывание Наполеона о кормлении народом собственной армии, можно сказать, что политической элите нельзя ничего не делать с коллективной мифологией собственной нации, пускать ее бытование на самотек. Если ты не работаешь со своими мифами, с ними будут работать твои враги.

Заключение

Современное состояние коллективной мифологии в Российской Федерации требует напряженной централизованной работы, во-первых, по выстраиванию защиты общенациональных представлений о нашем прошлом от бесконечных внешних попыток ревизии и манипуляции, по выработке системного подхода к табуированию всех блоков исторической памяти россиян и его последовательной реализации. Во-вторых, требуется четкое прописывание картины национального будущего и идеологизация наших коллективных ожиданий при учете общемировых тенденций.

Для всех прочих государственных образований на постсоветском пространстве неизбежна периферийная роль при любых геополитических раскладах. Поэтому правящие элиты там могли себе позволить эксперименты с различными вариациями этнофаворитической идеологии. Но Россия не может позволить себе подобный путь, если стремится сохранить и утвердить свой суверенитет, точно так же как и не может позволить себе роль периферии. Отсюда неизбежность конфликта смыслов и трактовок в представлении о нашем общем с постсоветскими странами прошлом. Отслеживать ход этого конфликта — жизненно важная задача российского научного и экспертного сообщества.

Существование и тиражирование на постсоветском пространстве версий коллективной мифологии, альтернативных отечественной, представляет собой тревожный вызов для безопасности России. Полиэтничность российского общества, этнокультурное многообразие нашей страны должны иметь единственную редакцию объяснения, транслируемую всеми институтами социализации и на федеральном, и на региональном уровнях.

Список литературы:

Агапов П.В. Война и конфликт цивилизаций в творчестве Владимира Соловьева // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60). С. 533–542. DOI: [10.35775/PSI.2020.60.3.007](https://doi.org/10.35775/PSI.2020.60.3.007)

Буданов М.А. Проблема квазицивилизационных проектов в контексте задач российского нациестроительства // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 20–31. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-20-31](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-20-31)

Воробьев Г.А. Семантика утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния в нелинейной динамике социокультурных изменений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 3. С. 4–8. DOI: [10.23683/0321-3056-2017-3-4-8](https://doi.org/10.23683/0321-3056-2017-3-4-8)

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 35–42.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

Надеин-Раевский В.А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд. // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 2 (29). С. 94–108. DOI: [10.32726/2411-3417-2022-2-94-108](https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-94-108)

Наумов А.О., Демин Д.В. Роль молодежной организации «Отпор» в «цветной революции» в Сербии // Вопросы истории. 2022. № 1-2. С. 4–18. DOI: [10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi74](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi74)

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М.: НЛО, 2010.

References:

Agapov P.V. (2020) War and Conflict of Civilizations in the Works of Vladimir Solovyov. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. Vol. 10. № 3 (60). P. 533–542. DOI: [10.35775/PSI.2020.60.3.007](https://doi.org/10.35775/PSI.2020.60.3.007)

Budanov M.A. (2022) Problem of Quasi-Civilization Projects in the Context of Nation-Building Tasks in Russian Federation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyi vestnik*. № 90. P. 20–31. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-20-31](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-20-31)

Kara-Murza S.G. (2003) *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo.

Khalid A. (2010) *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Moscow: NLO.

Lamazhaa Ch.K. (2011) The Archaization of Society in the Period of Social Transformations. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. № 3. P. 35–42.

Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN.

Nadein-Raevskiy V.A. (2022) History of Pan-Turkism and Its Contemporary Supporters. Part 2. The New Phase of Pan-Turkic Hopes. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. № 2 (29). P. 94–108. DOI: [10.32726/2411-3417-2022-2-94-108](https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-94-108)

Naumov A., Demin D. (2022) Role of the Student Movement “Отпор” in the “Colour Revolution” in Serbia. *Voprosy Istorii*. № 1-2. P. 4–18. DOI: [10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi74](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi74)

Tishkov V. (2001) *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny)* [Society in armed conflict: ethnography of the Chechen war]. Moscow: Nauka.

Vorob'ev G.A. (2017) The Semantics of a Loss of Social Reality Equilibrium-Steady State in Nonlinear Dynamics of Sociocultural Change. *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. № 3. P. 4–8. DOI: [10.23683/0321-3056-2017-3-4-8](https://doi.org/10.23683/0321-3056-2017-3-4-8)

Дата поступления/Received: 22.08.2022